

НЕИЗБЕЖНОСТЬ КОММУНИЗМА

В связи с нарастанием в стране антикоммунистических настроений, попытками создания антикоммунистических партий, широким тиражированием в популярных средствах массовой информации утверждений того типа, что «пришлось потратить пять лет перестройки, чтобы понять — логика развития вырывается из прокрустова ложа сохранения прежней коммунистической легитимности»¹, пора, наконец, всерьез обсудить вопрос: насколько обоснованы нынешние сомнения в достижимости конечной цели коммунистического движения? Развернутый ответ на данный вопрос я старался дать в своей последней книге², а своего рода резюмированные соображения на этот счет и предлагаю вниманию читателей журнала.

Коммунистическую перспективу нельзя осмыслить, если замкнуться только на трудностях, которые переживают СССР и восточноевропейские страны в последние десятилетия. Недостаточно и изучить историю социалистического развития за последние семьдесят два года, мало даже исследовать взаимоотношения капитализма и социализма как мировых систем. Помимо этого следует принять во внимание *весь ход истории человечества, результатом которого коммунизм и является*. Результат же можно в полной мере понять лишь в связи с процессом его становления.

В данной связи ключевым служит Марксов вывод о том, что переход к коммунизму — это переход от предыстории к подлинной истории человечества³. А значит, этот переход несравним по глубине и длительности просто со сменой одной формации другой (например, феодализма капитализмом). И сам коммунизм предстает не просто как формация в ряду других формаций, а как *принципиально новый тип развития общества*.

Протекшую человеческую историю, если учитывать случайности, зигзаги, прерывы, разные линии развития и т. п., можно образно сравнить с деревом (с его стволом, ветвями и листьями). Если же выделить закономерный, основной ход этой истории, т. е. сосредоточить внимание на «стволе дерева», обнаружится, что последний имеет вид как бы витка спирали, а человечество в настоящее время находится где-то ближе к концу такого витка. Обычно этот виток (в тех случаях, когда его характеризуют) рассматривается по схеме «доклассовое общество — классовое общество — бесклассовое общество». При подобном подходе (который, кстати сказать, более или менее развернуто так нигде и не реализован) акцент делается на классовом обществе; оно и служит точкой отсчета, а остальное определяется посредством отрицания: неклассовые (до- и послеклассовые) общества.

Мне думается, исторически созрели (или созревают) условия для более глубокого осмысления этого витка спирали человеческой истории. Доказательство данного тезиса, очевидно, должно начинаться с характеристики **отношений людей к природе**.

Исходно это, как известно, были естественно возникшие отношения, когда имело место преимущественно потребление результатов самодействия природы. Такое отношение людей к природе доминирует до тех пор, пока господствует добывающее, присваивающее хозяйство. Добыча есть использование готовых, предметов природы, пусть и при помощи произведенных средств воздействия.

Последние возникают, разумеется, с возникновением человека как биологического существа (образуя важнейшую «сторону» антропосоциогенеза), но впервые они начинают определять материальную жизнь общества с переходом от присваивающего хозяйства к

Виктор Алексеевич Вазюлин, доктор философских наук, профессор кафедры истории марксистско-ленинской философии философского факультета МГУ

¹ Ципко А. Возможно ли чудо? // Советская культура. 1990. 28 мая. С. 4.

² См.: Вазюлин В. А. Логика истории. М., 1988.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 8.

производящему. При этом еще много и много веков происходит процесс формирования решающей роли искусственных, созданных людьми средств воздействия. Опуская характеристику стадий этого процесса, отмечу лишь, что вплоть до капитализма основным средством производства оставалась земля, т. е. средство производства, преимущественно данное природой в готовом виде. Решающую роль играли животноводство и растениеводство; хотя люди и перешли к выращиванию растений и животных (к их, так сказать, «обработке»), они продолжали иметь дело с тем, что по своей сути выступает даром природы. «Обработка» предметов природы в общем и целом остается поверхностной. Человечество, следовательно, главным образом лишь внешне преобразует природу.

С образованием крупной промышленности в производстве начинается доминирование искусственных средств производства. А это означает: в преобразующем отношении людей к природе все более важное для их жизни значение приобретает проникновение в сущность, во внутренние связи природных процессов и образований.

Переход от средств производительного воздействия на природу, данных в готовом виде природой, к производительным средствам воздействия, требовавшим уже непосредственных усилий человека для их производства и их использования, означал переход к *самодействующим* средствам. Это было как бы возвращение к исходному пункту — к самодействию (в исходном пункте, повторю, «самодействует» девственная природа), но уже к самодействию искусственной природы. Причем со временем самодействующие (автоматически действующие) средства сами начинают производить себя (автоматы начинают создавать автоматы); иными словами, осуществляется *самовоспроизводство* самодействующих средств воздействия на природу.

Момент возвращения к исходному пункту заключается, конкретнее говоря, в том, что человек вновь имеет дело с такими процессами создания способных удовлетворить его потребности предметов, которые в немалой степени совершаются сами собой, без непосредственного труда. Однако это всего лишь как бы возвращение, ибо, во-первых, рассматриваемые процессы ведут свою родословную от труда. Во-вторых, автоматизированное производство в конечном счете направляется трудом людей в соответствии с их потребностями, т. е. остается подчиненным труду, остается средством производительного воздействия людей на природу. Это не естественно возникшее, а искусственное и подчиненное своим создателям средство, хотя и ставшее в значительной мере самодействующим, т. е. независимым от людей. Последние получают возможность все более гибко использовать в своих целях производство как целое.

Нечто аналогичное происходит с материалом — предметом производительного воздействия. Сначала применяется материал, данный природой в готовом виде; затем такой материал, который предварительно обрабатывается в процессе труда, но сохраняет свои исходные природные свойства. Заключительный этап — создание искусственных материалов с заранее заданными свойствами. Следовательно, с одной стороны, человек имеет данный природой материал, использует природные закономерности. Но, с другой стороны, он не просто приспосабливается к природному материалу, а сознательно ставит и реализует задачу его преобразования.

Это изменение отношения к материалу определяется прежде всего развитием средств труда. Вся протекшая история человечества — это история преобладания *механического* производства, применения главным (хотя и не исключительным) образом механической формы движения. Такое преобладание — печать происхождения человека из животного мира (рука — орган механического перемещения). Труд со всеми его атрибутами становился и утверждался в преимущественно механической форме движения (по сути своей ручной труд приспособлен именно к механической деятельности). На основании же определенных ныне тенденций можно прогнозировать: в будущем все более значительную роль будет играть преобразование именно процессов (в механическом производстве в основном преобразуются предметы) и на первый план выдвинутся *технологии*, базирующиеся на использовании более высоких, нежели механическая, форм движения.

В конечном счете производство, по моему мнению, станет преимущественно *биологическим*. Биотехнология уже сегодня — одно из самых перспективных направлений развития науки и производства. Однако переход к биопроизводству тождествен овладению природой всего живого (включая человека в качестве биологического существа). А в связи с этим возникают альтернативные возможности: 1) устранения болезней и продления жизни человека, гармонизации его как биологического существа и 2) подрыва условий бытия человечества в качестве совокупности биологических существ. Вмешательство в биологическую природу человека чревато для человечества самоубийственной перспективой. Здесь тоже наблюдается виток спирали: от «создания»

человека (в качестве биологического существа) природой к биологическому самосозиданию (в единстве со способностью к саморазрушению) человека.

Прохождение этого витка спирали меняет взаимоотношение человечества с природой и в других аспектах. Исходным (животным) взаимодействием с природой, повторюсь, выступает по преимуществу приспособление к природе. С появлением человеческого рода возникает устойчивый процесс — процесс преобразования природы, когда она становится средством удовлетворения потребностей человека. Пока человечество становится, человек борется за биологическое выживание. Причем эффективность этой деятельности людей минимальна в том смысле, что дает лишь минимум необходимого для поддержания жизни человеческого рода. Это, между прочим, проявляется в том, что население земли растет чрезвычайно медленно, в низкой продолжительности жизни.

Новый период формирования человечества в этом отношении (в отношении возможностей удовлетворения потребностей) начинается с того времени, когда человеческий род уже приобретает способность добывать и производить средства к существованию, несколько превышающие упомянутый минимум, но еще не достигает такого уровня эффективности производства, когда становится возможным удовлетворять оптимум биологических потребностей (в пище, одежде, обуви, жилье, параметрах труда и т. д.).

В течение всего этого периода сохраняется (хотя и в изменяющейся степени) борьба людей за существование как между собой, так и с природой. Остановлюсь на последнем. Отношение к природе, преобразуемое на нее воздействие выступает преимущественно как борьба с неумолимым и грозным противником. Поэтому на передний план выходит подчинение природы человеком, господство человека над природой, хищническое к ней отношение. Но это воздействие человечества на природу первоначально вполне сравнимо по своим масштабам и глубине с воздействием на окружающую среду животных (правда, люди в отличие от животных с самого начала воздействуют на природу главным образом при помощи производительных органов). К тому же люди не представляют ни естественных, ни общественных последствий своего воздействия (как человечества, человеческого рода) на среду обитания.

Таким образом, отношение людей к природе и на этапе возникновения, и в период формирования человечества, с одной стороны, уже противостоит отношению животному (уже выступает как преобразующее), а с другой стороны, еще остается животным (хищническим, без учета последствий).

Постепенно это отношение начинает все более и более отличаться от воздействия животных: люди научаются предвидеть как непосредственные, так и более отдаленные результаты своего воздействия на природу. И вместе с тем углубляется и расширяется хищническое отношение к природе, подчинение ее человеку. Масштабы и глубины такого подчинения в конечном счете становятся столь значительными, что охватывают все лоно, в котором образовалось человечество, т. е. всю Землю (ее поверхность и ее недра); охватывают столь глубоко, что искусственно формируемая среда начинает пронизывать всю исходную среду обитания. Конкретнее говоря, хищническим путем созданная «искусственная природа» начинает пронизывать всю «естественную природу».

Человечество получает тем самым две противоположные потенции: с одной стороны, возможность в соответствии со своими потребностями положительно преобразовывать все земные условия своего существования, а с другой стороны, возможность разрушить всю Землю (военным или мирным путем). Эти колоссальные и созидательные, и самоубийственно разрушительные перспективы человечества как целого ставят его перед дилеммой: либо сознательно овладеть силами природы во благо себе, либо погибнуть.

В настоящее время разьединенное человечество способно нейтрализовать в лучшем случае те или иные частные (и лишь в незначительной мере общие) последствия своей хищнической производительной деятельности. Более того, по мере образования и интенсификации мировых производственных связей и бурного прогресса науки и техники разрушительное действие производства на нашу Землю становится все более глубоким и всесторонним.

Лишь объединение человечества, лишь сознательное общечеловеческое, т. е. планомерное в масштабах человечества, развитие откроет принципиально новые перспективы устранения указанных негативных следствий. Рождая угрозу гибели человечества, ход истории вынуждает к принципиально новому отношению к природе. Это отношение, представляющее собой как бы возвращение к исходному пункту. Речь идет о таком преобразовании природы, которое призвано вновь стать как бы приспособлением к ней (как бы сохранением ее в девственном виде), т. е. о преобразовании, учитывающем всю совокупность отдаленных последствий человеческого воздействия на природу.

В то же время речь идет о полном производительном использовании разума, науки, постепенно ведущем к радикальному преобразованию всей Земли, к созданию главным образом уже не естественной, а искусственной среды, окружающей человечество. Рост возможностей ее создания, потенций автоматизации и применения искусственных материалов означает образование предпосылок выхода человечества за рамки его природного лона, за пределы сугубо земной цивилизации. Иначе говоря, означает становление предпосылок перехода к космической цивилизации. Этот переход диктуется, в частности, ограниченностью запасов сырья для производства, а также площадей для размещения производства и населения (по моему мнению, достижение изобилия материальных благ повлечет за собой новый демографический взрыв).

Итак, прошедшая и продолжающаяся в настоящем цивилизация — это виток спирали земной цивилизации, на смену которой уже идет (становится практической необходимостью) цивилизация космическая. Одно из абсолютно обязательных условий перехода к последней — объединение человечества. Без такого объединения человечество не сможет ни выжить, ни сосредоточить силы для широкого прорыва в космос (уже сейчас крупные космические программы способны осуществлять лишь либо наиболее могущественные государства, либо группы государств, объединяющих свои усилия).

Спиралевидно развиваются не только средства производительного воздействия на природу и используемые в производстве материалы, но и *сам человек*. С самого начала труд — определяющий фактор возникновения и дальнейшего развития человечества. Но в первобытном обществе, как уже отмечалось, преобладает не производство, а добыча. Соответственно люди — с точки зрения их доминирующей деятельности — не производители, а «добытчики». Их умения и навыки суть преимущественно умения и навыки применения средств воздействия (созданных или взятых в готовом природном виде) в процессе добычи, а их знание — это главным образом непосредственное наблюдение. Так как добыча есть «снятое» животное отношение к природе, то и в сознании людей преобладает осознание животного отношения к природе, живой конкретной связи со всем, что их окружает, и друг с другом. С переходом же к преимущественно производящему хозяйству люди становятся в первую очередь производителями, хотя в их производстве длительное время основными средствами остаются, как уже также говорилось, естественно возникшие средства производства — земля и скот. Отсюда и длительное преобладание непосредственного отношения к природе. Это значит, что сам производитель выступает непосредственно или в значительной мере как «природное тело», как данное природой средство производства, т. е. сам производитель еще в той или иной степени не отделен от средств производства, является средством производства. Разделение средств производства и производителей, выделение производителей происходит по мере развития и распространения произведенных и воспроизведенных, созданных трудом средств производства. Среди них вначале преобладают средства труда, приводимые в действие индивидуальным ручным трудом.

Распространению ручного труда (с его разделением или без такового) соответствует упомянутое выше начало проникновения в сущность процессов и явлений, осознаваемых, однако, лишь в форме единичности или особенности, т. е. в противоречащем сущности виде. Поскольку же предпринимаются и попытки познать сущность «в чистом виде», постольку это познание существует как догадка, обычно связанная с изрядной дозой фантазии. На основе развития ручного труда в конечном итоге возникает разрыв между физическим и умственным трудом, а также между опытным и теоретическим знанием (причем производственное значение имеет именно первое, а не второе).

С развитием машинного производства, превращением его в доминанту преобладающим становится механический, физический труд по применению машин. Вместе с тем совершенствование, а тем более создание и тиражирование новых типов машин, во все большей степени требует теоретических знаний (сам опыт постепенно превращается в экспериментальную деятельность). Теоретическое и экспериментальное знание приобретает непосредственное производственное значение. Машинное производство, таким образом, готовит почву для устранения разрыва между физическим и умственным трудом (предварительно доводя его до предела), между опытным и теоретическим познанием. Однако окончательно и вполне эта почва подготавливается развитой автоматизацией, когда труд, связанный с прогрессом автоматизированного производства, и общее управление этим производством начинают доминировать над простым применением машин.

Как известно, с развитием простого машинного, а затем и автоматизированного производства развивается *общественный характер труда*.

Историческая эволюция характера труда происходила также спиралевидно. Исходным

пунктом был естественно возникший коллективный труд (он был обусловлен необходимостью самого выживания человеческого рода в суровых природных условиях, абсолютной невозможностью выжить в одиночку). Затем развивается индивидуальный ручной труд. Капиталистические производственные отношения первоначально и возникли на основе ручного труда, приведя далее к его кооперации. В процессе кооперации и разделения ручного труда происходил переход к машинному труду, что знаменовало и переход к собственно общественному характеру труда. Таким образом и осуществлялось как бы возвращение к исходному пункту — к труду объединенному.

Развитие, резюмирую, шло от получения предметов потребления (которому свойственно преимущественно непосредственное наблюдение) к проникновению в сущность осваиваемых процессов, к выделению сущности «в чистом виде», к теории и опыту, основанному уже на использовании теории (эксперименту), к науке как производительной силе. Применение науки в этом качестве есть уже реализация теории и эксперимента как *общественных феноменов в общественной же практике*, в производительной практике общества.

Спиралевидно развивались также **отношения людей друг к другу**, к анализу коих я и перехожу. Развитие шло от естественно возникших коллективных связей к разрушению этих связей, к выделению людей из первобытных коллективов и к образованию связей обособленных индивидов (объединенных тем, что все остальные служат для индивида лишь средством поддержания его собственного существования); а уже от этих связей — к подлинно общественным связям людей как личностей. При этом, если исторически исходные коллективы малочисленны и обособлены друг от друга, то в конце этого гигантского витка спирали «коллектив» — это *объединенное человечество в целом*. Что же лежит в основе этой спиралевидной динамики? В соответствии с марксистской методологией — проанализированное выше развитие производительного взаимоотношения с природой.

Несколько огрубляя, можно сказать: при господстве в производительном взаимоотношении с природой средств производства, естественно возникших, в отношениях между людьми господствуют связи, также возникшие естественным путем; при господстве же созданных средств производства доминируют собственно общественные связи между людьми. Созданные и воспроизводимые средства производства в общем и целом развиваются в направлении от индивидуальных (приводимых в действие ручным трудом) к собственно общественным по своему характеру. Собственно общественный их характер в результате прогресса машинного производства становится даже технической необходимостью. *Общественный же характер производства обуславливает объединение людей, общественную собственность на средства производства. Степень развития этого характера обуславливает в конечном счете и степень реального обобществления.*

Эволюция производственных отношений на базе развития производительных сил и в единстве с ним идет, конкретнее говоря, от родоплеменной и общинной собственности к частной собственности (кстати, частная собственность как таковая более всего соответствует именно ручным средствам труда) и от нее к общественной собственности на средства производства.

Очень важно иметь в виду, что исторически первоначально производительные силы и производственные отношения в указанном выше смысле тождественны (конечно, это не абсолютное тождество, различие между ними имеется с самого возникновения человека). Затем, в период формирования человеческого общества, на первый план выходит существенное различие между производительными силами и производственными отношениями. Однако полностью момент их непосредственной тождественности в этот период не исчезает.

В докапиталистических антагонистических формациях этот момент выражен явно и определено: раб и отчасти феодально зависимый крестьянин прямо включаются в состав средств производства, выступают «говорящими орудиями». При капитализме непосредственное тождество производительных сил и производственных отношений почти исчезает, однако в неявном виде и в определенной мере все же сохраняется: рабочая сила есть вещь, подлежащая продаже (т. е. она не отличается в этом отношении от любого другого товара), а будучи купленной капиталистом для производительного использования и извлечения прибавочной стоимости, рабочая сила приравнивается в такой ее функции к средствам производства, становится формой бытия переменной части капитала.

Следующий этап — восстановление тождества производительных сил и производственных отношений, однако на новой основе. Это иное, новое тождество, связанное прежде всего с освобождением человека от непосредственного труда по применению автоматизированных средств производительного воздействия на природу.

Данное освобождение означает передачу искусственным средствам производства

сначала функций физического воздействия человека на природу, а затем и все более сложных интеллектуальных его усилий. Направленность этой тенденции такова, что человек вытесняется самодействующими средствами из сферы труда. Объем живого труда, в котором нуждается общество, следовательно, в конечном счете не может не сокращаться. Сохраняющийся же труд все более опосредованно связывается с конечным продуктом, причем в этом труде сохраняются лишь самые сложные его функции. Конечно, охарактеризованная тенденция осуществляется и не в чистом виде и не по прямой восходящей линии (известно, например, что автоматизация на определенных начальных стадиях ведет к росту малоквалифицированного труда).

Самодействующие средства производительного воздействия на природу создают в последнем счете предпосылки для сокращения рабочего времени (необходимого для воспроизводства и каждого отдельного индивида, и для покрытия общественных нужд), уменьшения продолжительности рабочего дня, как и облегчения условий труда; открывается перспектива того, чтобы усилия, затрачиваемые индивидами в течение общего необходимого рабочего времени, составили меньшую часть тех производительных усилий, на какие способен человек. Это создало бы возможность большую часть этих усилий осуществлять свободно и целиком (или главным образом) в соответствии с непосредственными интересами индивидов.

Передача машинам физических функций человека вызвала потребность в развитии физической культуры (если труд преимущественно направлен на внешний для человека предмет, то занятия физической культурой по сути своей есть развитие человека в качестве самоцели). По мере же передачи машинам интеллектуальных функций будет расти потребность индивидов в интеллектуальной культуре. Само развитие средств производства создает возможность (а природа человека как социально-природного существа этого требует) жить полной жизнью, при которой физическая и интеллектуальная культура становятся необходимостью и потребностью, т. е. необходимостью и потребностью становятся физическое и интеллектуальное развитие индивидов как самоцель. Здесь дает себя знать и другая тенденция: сама биологическая жизнь как единство и противоположность жизни и смерти требует постоянной борьбы за жизнь со смертью. Труд, возникший как средство поддержания физического существования, сформировал биологический вид человека. Тем самым этот труд оказался не только тем, от чего стремятся избавиться, но и тем, без чего человек не может существовать не только специфически (в отличие от животных), но и даже как биологическое существо особого рода. Иначе говоря, человеческий труд не только «тяжесть» (обуза), а и первая жизненная потребность. Потребность в нем, будучи, с одной стороны, социально-природной, с другой стороны воспитывается; это — потребность здорового человеческого организма в трудовом напряжении. И по мере устранения чрезмерной интенсивности и продолжительности труда, облегчения его условий потребность в нем выходит на первый план.

Коммунизм как итог развития есть отрицание отрицания предшествующей истории. Коммунизм — это новый тип развития человечества, который сам, видимо, будет иметь различные стадии развития. Только коммунистически, только подлинно объединившись, человечество будет в силах окончательно устранить угрозу своего военного истребления, а также опасность вымирания от побочного действия производства. Только на коммунистической основе оно сможет разумно направлять развитие индивидов (в том числе усовершенствовать их биологическую природу) и общества в целом, преобразовывать в соответствии со своими потребностями Землю и околоземное пространство, вполне перейти к космической цивилизации, сохранив Землю как Мекку космического туризма.

Альтернатива, вытекающая из закономерного хода истории, такова: либо гибель человечества, либо в конечном счете подлинное, т. е. коммунистическое, объединение человечества и сознательное управление социальными силами, достигшими или достигающими убийственной мощи.